

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gixqrn>

Непосредственное и опосредованное как парные криминалистические категории

Гарбуз Григорий Сергеевич

Кежемский районный суд Красноярского края, Россия, Кодинск

eLibrary Author SPIN: 2394-3353

<https://orcid.org/0009-0007-7201-9631>

greg_g@inbox.ru

Аннотация: В статье анализируются проблемные вопросы соотношения категорий непосредственного и опосредованного, выдвигается гипотеза о возможности отнесения этих категорий к парным. Цель – изучить феномены непосредственного и опосредованного как криминалистических категорий. Для достижения цели исследования использовались методы анализа научных источников, сравнения изучаемых категорий, проведения аналогии с другими науками, что позволило сформулировать предположение о возможности отнесения непосредственного и опосредованного к криминалистическим категориям. На основании теоретического анализа научных источников дается предположение о возможности раскрытия существа категорий непосредственного и опосредованного через предмет науки криминалистики, выявляются признаки этих категорий, определяются факторы существования непосредственного и опосредованного как парных категорий. Была предпринята попытка вычленения признаков непосредственного и опосредованного как парных категорий криминалистики. В итоге предлагается теоретическое и практическое обоснование взаимосвязи непосредственного и опосредованного в криминалистике на разных уровнях: методологическом и предметно-практическом. В результате изучения следственной и судебной практики выводится новое знание: доказываемая, что непосредственное и опосредованное ведут себя как тандемные феномены в процессе криминалистического познания, следовательно, являются парными категориями науки криминалистики, что имеет большое прикладное значение при расследовании уголовных дел, в том числе дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, а также в ходе судебного разбирательства по делам данных категорий. **Ключевые слова:** преступления, совершаемые в экологической сфере, криминалистическая методология, непосредственный метод, опосредованный метод, судебное познание, оценка доказательств, парные категории

Цитирование: Гарбуз Г. С. Непосредственное и опосредованное как парные криминалистические категории. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 3. С. 410–418. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-3-410-418>

Поступила в редакцию 29.04.2024. Принята после рецензирования 22.07.2024. Принята в печать 22.07.2024.

full article

The Direct and The Indirect as Paired Forensic Categories

Grigory S. Garbouz

Kezhemsky Federal Court of Krasnoyarsk Krai, Russia, Kodinsk

eLibrary Author SPIN: 2394-3353

<https://orcid.org/0009-0007-7201-9631>

greg_g@inbox.ru

Abstract: The categories of the direct and the indirect can be classified as paired. The author applied standard and interdisciplinary research methods to the direct and the indirect as criminalistic categories. The article is a review that investigates the direct and the indirect through the subject of criminology; it is an attempt to define their signs as paired categories of criminology. The resulting theoretical and practical rationale of the correlation between the direct and the indirect in criminology reveals the methodological and subject-practical levels. Investigative and judicial practice prove that the direct and the indirect manifest themselves as tandem phenomena in the process of forensic cognition; therefore, they are paired categories of criminology. This conclusion is of great practical importance in criminal investigation and court trials, especially in the sphere of crimes against environment.

Keywords: ecological crimes, forensic methodology, direct method, indirect method, judicial knowledge, assessment of evidence, paired categories

Citation: Garbouz G. S. The Direct and The Indirect as Paired Forensic Categories. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(3): 410–418. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-3-410-418>

Received 29 Apr 2024. Accepted after review 22 Jul 2024. Accepted for publication 22 Jul 2024.

Введение

2024 г., который объявлен в нашей стране Годом Российской академии наук, ознаменован многими юбилейными датами, значимыми для научного сообщества. Среди них – 100-летие со дня рождения известного ученого, заслуженного деятеля науки, доктора наук, профессора Л. Я. Драпкина, чей неоценимый вклад в развитие отечественной криминалистики является поистине колоссальным. С именем этого ученого связан не только фундаментальный толчок в развитии теории следственных ситуаций, но также внедрение когнитивного подхода в криминалистической науке, который формирует двуединый предмет криминалистики через анализ мышления лиц, которые совершают преступные деяния, и субъектов криминалистического познания, осуществляющих деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

Преступная деятельность как составная часть двуединого объекта науки криминалистики воплощалась в предмет научного исследования и нашла свое отражение в научных работах ведущих ученых-криминалистов [1, с. 15; 2, с. 59; 3, с. 38; 4, с. 32–33; 5; 6; 7, с. 36; 8–10; 11, с. 13].

Процесс расследования носит ретроспективный характер, а установление объективной истины является важнейшей следственной задачей. М. М. Прохоров считает, что «в понятии истины присутствует не только всеобщий или мировоззренческий аспект, в нем присутствует также признак «научной истины», характеризующийся соотносительностью истины абсолютной и относительной, а также ее конкретно-исторический характер» [12, с. 295].

Н. П. Копцева, исследуя проблемы истины, пришла к очень важному, на наш взгляд, умозаключению: «Если гносеологическая истинность – это некое точное конкретное знание внутри определенной области познания, то оно имеет смысл только внутри целостной системы человеческих знаний о мире» [13, с. 24]. Проявляя солидарность с Н. П. Копцевой, полагаем, что знание будет истинным лишь в том случае, если оно принадлежит целостной системе знания. Тогда и субъект познания, считая знание истинным, утвердится в своих убеждениях и приобретет состояние уверенности [14].

Проблема обретения истинного знания субъектом познания в криминалистике является не менее актуальной в соотношении с другими науками. Только в отличие от познания вообще, которое не имеет пространственно-временных ограничений, криминалистическое познание строго ограничено временными и процессуальными рамками. Теория и практика позволили убедиться в этом.

Применительно к процессу доказывания и уголовному преследованию эта посылка безальтернативно действует в цепочке субъектов познания: следователь (дознатель) → руководитель следственного органа (начальник дознания) → прокурор → суд. Безусловно, суд в силу закона не является органом, осуществляющим уголовное преследование. Исходя из ч. 3 ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), суд не выступает в качестве органа, осуществляющего уголовное преследование, не относится ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты; суд лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления имеющегося объема процессуальных прав¹. Тем не менее суд выступает своеобразной заключительной стадией процесса доказывания, конечной инстанцией, разрешающей по существу возникшую правовую неопределенность. Этот тезис можно назвать релевантным всем видам судопроизводства.

По мнению М. С. Шалумова, «доказывание в уголовном процессе, или уголовно-процессуальное доказывание – это выполняемая в установленном законом порядке деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда при содействии других участников процесса по собиранию, проверке и оценке доказательств для установления истины по делу и достижения задач уголовного судопроизводства»².

Результаты

Теоретические предпосылки для выявления признаков парности криминалистических категорий непосредственного и опосредованного Мышление воспроизводит бытие, оно постоянно, всецело и полностью отражает реальное состояние бытия. При этом процесс мышления имеет форму линейной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 23.03.2024). СПС КонсультантПлюс.

² Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный), ред. В. М. Лебедев. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2014. 1056 с. СПС КонсультантПлюс.

последовательности, а уголовно-процессуальное доказывание представляет собой комплексный, совокупный мыслительный и практический процесс, тесно связанный с эмпирическим опытом, результат которого по большей части зависит от того, будут ли соответствовать действительности добытые в ходе этого процесса информационные и логические доказательства. Представляется, что установление объективной истины при расследовании уголовного дела неотделимо от углубления и вживания в познание следовой картины; оно неразрывно связано с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. Учитывая, что между знанием и незнанием существует не пустота, а проблема, наполненная гносеологическим смыслом, допустимо сделать вывод, что не пассивное созерцание, а активная познавательная деятельность позволяет следователю структурировать разрозненные элементы преступного события и сведения о фактах – в единый мозаичный образ.

Мысль – это способность постижения объекта и рассуждения о нем. В то же время мысль рождается через созерцание и познание, и без совершения практических (опытных) действий познание бытия невозможно. Не вдаваясь в этой работе в глубокий анализ психической структуры мышления следователя, заметим, что целью проведения любого следственного действия является выявление криминалистически значимой информации, получение новых знаний о том или ином интересующем работников следствия объекте. Каждое следственное действие как элемент доказательственного познания направлено на установление тех обстоятельств, которые подлежат непременно доказыванию по уголовному делу.

Отметим, что одним из основных и достаточно сложных качеств изучаемых наукой феноменов является парность явлений существующего мира, которая привлекала ученых разных отраслей науки, а парность юридических категорий вызвала и вызывает интерес многих ученых-юристов ввиду того, что глубокое изучение данного качества позволяет более полно и всесторонне проанализировать характеристики и закономерности тех или иных юридических процессов.

Н. Ю. Фролова пишет: «Рассмотрение определенных понятий не просто как соотносимых, а как парных и взаимообусловленных, открывает возможности для изучения новых связей и взаимодействия в рамках противоположностей определенной пары, следовательно, и для получения новых выводов и характеристики их сущности» [15, с. 8].

Свойства юридических категорий, обладающих признаком парности, активно рассматривались

и нашли отражение в трудах многих ученых-правоведов [16, с. 110; 17, с. 86–87; 18, с. 72; 19, с. 24–25].

Проверив и не обнаружив подобных исследований в интересующей нас отрасли науки, с уверенностью отметим, что ранее такие феномены, как непосредственное и опосредованное, не изучались в криминалистике в качестве взаимосвязанных тандемных категорий, и в этом состоит научная новизна нашего исследования.

Анализ многочисленных научных источников позволяет выдвинуть гипотезу о том, что такие категории, как *непосредственное* и *опосредованное*, не только успешно существуют в правовой среде как самостоятельные, не заимствованные из других наук, но также имеют огромное прикладное значение для криминалистики, более того, обладают признаком парности. Указанные категории служат эффективным средством криминалистического познания, формирования истинного представления о криминальном событии, имевшем место в прошлом, и в этом усматривается их связь с ретроспективным характером процесса расследования.

Постараемся более детально раскрыть взаимосвязь непосредственного и опосредованного в криминалистике, проиллюстрировав тем самым, что они выступают как целостный научный феномен; в противном случае, полагаем, невозможно вести речь о парности этих категорий. При этом нами не усматривается оснований судить о наличии противоречия названных терминов, наоборот, непосредственное и опосредованное взаимно дополняют друг друга как в целом в юридической науке, так, в частности, в процессе познавательной деятельности следователя.

Сперва обратимся к этимологии слов *непосредственный* и *опосредованный*. Толковый словарь Д. Н. Ушакова содержит следующее определение понятия *непосредственный*: «Непосредственный – следующий сразу за чем-нибудь, без промежуточного участия кого-чего-нибудь, без последующих звеньев»³. Под *опосредованным* в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой понимается «данный через посредство чего-либо другого, при помощи передаточного, посредствующего звена; опосредствованный»⁴. Новейший философский словарь определяет *непосредственное* как: «определенного рода знание, полученное в результате прямого контактного или дистантного воздействия объекта на органы чувств в процессе ощущения или восприятия и которое осознанно не обосновывается, не верифицируется, не оценивается субъектом»⁵. Дефиниции понятий других отраслей науки должны использоваться в тех их значениях, которыми они наделены соответствующими отраслями науки.

³ Толковый словарь Д. Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/883522> (дата обращения: 07.02.2024).

⁴ Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/203311> (дата обращения: 07.02.2024).

⁵ Новейший философский словарь. URL: <https://novejshij-filosofskij-slovar.slovaronline.com/804> (дата обращения: 07.02.2024).

Принимая во внимание, что процесс мышления осуществляется или путем формирования и усвоения понятий, суждений, умозаключений, или в качестве такой позиции, как решение мыслительных задач, то осуществляемая следователем деятельность по расследованию преступлений как одна из разновидностей мыслительной деятельности, вне всякого сомнения, обладает всеми признаками последней. Расследование преступлений как вариация процесса мышления также представляет собой психический процесс, заключающийся в способности производить интеллектуальные операции с образами и понятиями.

Осуществляя процесс расследования, следователь, устанавливая связи и отношения между обнаруженными им предметами и явлениями объективной действительности, анализируя криминальную ситуацию, опирается не только на свои непосредственные ощущения и восприятия, но еще руководствуется имеющимся у него опытом расследования аналогичных категорий дел, основывается на общих положениях методики по расследованию преступлений.

Также как процесс познания человеком окружающей действительности заключается в единстве и взаимосвязи его чувственной и логической форм, так и процесс расследования преступлений предполагает единство и взаимосвязь непосредственного познания, основанного на получаемой от органов чувств информации о конкретных объектах, и опосредованного познания – обобщенного отражения действительности в тех случаях, когда непосредственное познание невозможно из-за ограниченного восприятия анализаторов или оно невозможно в данных конкретных условиях либо не может быть признано рациональным.

Фундаментальный анализ взаимосвязи непосредственного и опосредованного методов криминалистического познания выполнен ведущим ученым-криминалистом И. М. Лузгиным. Описывая неопределимый вклад ученого в развитие науки, Т. В. Аверьянова указывает: «Игорь Михайлович в своей работе подробно останавливается на методах непосредственного и опосредованного уровней познания в расследовании преступления. Отмечая, что значение непосредственного познания на стадии предварительного расследования состоит в том, что оно, с одной стороны, обеспечивает обнаружение, исследование и оценку доказательств, т. е. решает важнейшую задачу расследования, с другой – обеспечивает фиксацию фактов "благодаря чему создается возможность опосредованного познания события преступления судом"...», автор называет и рассматривает такие методы, как наблюдение, сравнение, измерение, экспериментальный метод, фиксацию доказательств. Указанные методы не равнозначны по степени охвата процесса расследования, они могут касаться как всего процесса в целом, так и отдельных его сторон» [20, с. 113].

Практические аспекты отнесения криминалистических категорий непосредственного и опосредованного к парным

Начиная расследование по конкретному уголовному делу (и дела о преступлениях в экологической сфере не являются исключением), следователь приступает к анализу следовой картины на месте происшествия, что впоследствии повлияет на формирование версий о расследуемом событии. Особую значимость изучения следов преступления подчеркивали следующие ученые: Р. С. Белкин, Н. В. Карепанов, В. Е. Корноухов, Ю. Г. Торбин, Б. И. Шевченко, И. Н. Якимов и др.

В дальнейшем следователь отталкивается от полученных в ходе изучения следовой картины некоторых сведений о преступном деянии и переходит к построению криминалистических версий, быстрая и эффективная проверка которых выступает залогом успешного расследования уголовного дела. При этом изучение следовой картины на месте происшествия является не пассивным созерцанием, а сопровождается активными практическими действиями по обнаружению и фиксации следов преступной деятельности. Подчеркивая важность осмотра места происшествия, О. Г. Костюченко оригинально подошел к определению понятия названного следственного действия, предположив, что это «следственное действие, направленное на непосредственное восприятие, выявление и фиксацию с использованием технических средств значимой для следствия информации – материальной и виртуальной, содержащейся на различных носителях, которая может позволить произвести криминалистическую реконструкцию с целью создания максимально объективной модели происшествия, выдвинуть версии о личности преступника и совершенном преступлении» [21, с. 47]. Учитывая личный следственный опыт автора настоящей статьи, мы солидарны с мнением О. Г. Костюченко, полагавшего, что «осмотр не может быть пассивным, он отличается специальным восприятием объектов, а также иной деятельностью следователя и других участников осмотра» [22, с. 75].

Проведенный нами анализ научной литературы по исследуемой теме приводит к резонным и закономерным выводам о том, что криминалистические категории непосредственного и опосредованного обладают общностью сходных черт и признаков, позволяющих сделать умозаключение, что представленные категории являются парными. По мнению С. Ю. Суменкова, «парность... характерна для всех процессов и явлений объективного мира. Право, как важнейшая часть бытия, также подвержено парности отдельных категорий, методологической оценкой которых выступают законы диалектики, в особенности закон единства и борьбы противоположностей» [23, с. 77]. Соглашаясь с В. В. Нырковым о недопустимости поверхностного изучения парных юридических

категорий, С. Ю. Суменков отмечает значимость этого «в связи с тем, что для научной теории важен не просто факт констатации парности тех или иных категорий, но и, что самое главное, исследование их взаимосвязи, корреляции и эффективности в механизме правового регулирования» [24, с. 62].

В паре *непосредственное – опосредованное* равная нагрузка приходится на оба названных компонента, оба они и на уровне методологии криминалистической науки, и на уровне криминалистической тактики производства отдельно взятых следственных действий обладают равными возможностями и равными взаимодополняющими свойствами познания. Существование опосредованного в криминалистике объективно обусловлено наличием непосредственного.

Предложим следующие признаки парности исследуемых нами криминалистических категорий: неотделимость друг от друга; отсутствие взаимного отрицания; взаимопроникновение; использование в рамках криминалистического познания; обусловленность отношением исходной следственной ситуации и предмета доказывания.

В познавательной деятельности следователя прослеживается диалектическая взаимосвязь непосредственного и опосредованного при решении мыслительной задачи по расследованию преступлений. Парность указанных категорий, безусловно, подтверждает то обстоятельство, что они выступают в роли единого феномена, задействованного в процессе расследования, являют собой взаимосвязанные части единого целого. Представляется, что парность непосредственного и опосредованного в криминалистике обусловлена следующими факторами:

- опосредованное не может существовать без непосредственного;
- непосредственное и опосредованное, взятые по отдельности, не отвечают в полной мере следственным задачам, не позволяют производить интеллектуальные операции с образами и понятиями, устанавливать связи и отношения между обнаруженными следователем предметами и явлениями объективной действительности;
- непосредственное и опосредованное при всей своей антонимичности взаимно отражают и дополняют друг друга, подтверждают не только жизнеспособность, но и необходимость данной связи;
- взаимосвязь непосредственного и опосредованное приводит к трансформации первого во второе.

Кроме этого, непосредственное и опосредованное проявляют себя в криминалистике в двух уровнях. Первый уровень – методологический. На этом уровне непосредственное и опосредованное проявляют себя как взаимосвязь научных методов. Второй уровень, на котором можно проследить наличие непосредственного и опосредованного – предметно-практический.

На данном уровне прослеживается не только конкретная взаимосвязь этих парных криминалистических категорий, но и трансформация одного в другое при осуществлении деятельности по анализу и оценке собранных доказательств.

С развитием высокотехнологичного права проблема изучения непосредственного и опосредованного становится все более актуальной. Важной особенностью можно назвать то, что непосредственное и опосредованное неразрывно существуют в познавательном процессе отдельно взятого следователя.

Рассматривая методологический уровень существования непосредственного и опосредованного, подчеркнем, что методология определяет логику, последовательность познаваемого предмета, а решаемые криминалистикой задачи предполагают использование многообразия методов научного исследования, которые принимают участие в формировании направленности познавательного внимания субъекта познания, определении конечных целей и упорядочивании познавательной деятельности. К этим методам относятся: всеобщий метод научного познания, а также общенаучные и специальные методы.

Общенаучные методы криминалистики подразделяются на две группы. К первой группе относятся: анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение, описание, эксперимент, моделирование, реконструкция и др.; во вторую группу общенаучных методов входят: измерение, вычисление, геометрические построения, кибернетические методы. Специальными методами криминалистики являются те, которые выведены самой криминалистической наукой, а также разработанные другими науками методы, которые, будучи заимствованными, достаточно результативно и успешно используются в криминалистике.

Полагаем, что к непосредственным методам криминалистического познания можно отнести: простое наблюдение, измерение с использованием измерительных приборов, описание, т. е. те методы, при которых следователь осуществляет целенаправленное и последовательное восприятие познаваемого объекта или явления с целью получения доказательственной информации. Непосредственные методы предполагают «невключенное созерцание» путем прямого контактного воздействия на органы чувств. Они осуществляются лично следователем и служат первичному усвоению следовой картины, позволяют получить поверхностные сведения о фактах и общие представления о характере расследуемого события.

Опосредованными методами криминалистического познания являются наблюдение с использованием технических устройств, позволяющих существенно расширить возможности органов чувств; измерение с использованием инструментальных средств

и высокотехнологичных измерительных приборов; моделирование; эксперимент и др. Опосредованные методы познания предполагают включенное, активное восприятие путем воздействия на чувственное восприятие субъекта познания через систему приборов и устройств, что способствует более глубокому познанию преступного деяния, позволяет через логические операции получить более структурированные сведения о фактах, детализированные представления о характере познаваемого следователем события.

Одновременно с этим непосредственные наблюдения и описание плотно увязаны в следственной деятельности с опосредованными методами сравнения, моделирования, эксперимента, реконструкции. В своей совокупности и взаимосвязи они способствуют решению мыслительных задач, реализуют в процессе доказательственного познания взаимосвязь его чувственной и логической форм. И в этом, по нашему мнению, прослеживается единство теоретической и эмпирической сторон познания.

Остановимся теперь на предметно-практическом уровне взаимосвязанного существования непосредственного и опосредованного в криминалистике.

Как справедливо указывал И. М. Комаров, «расследование всегда опирается только на фактические данные, которые отражают обстоятельства, образующие преступление» [25, с. 21]. Обозревая следовую картину того или иного криминального деяния, анализируя сложившуюся криминальную ситуацию, следователь оказывается в отношении *Дано – Требуется установить* или *Исходная следственная ситуация – Предмет доказывания*. Выполняя расследование по уголовному делу, как разновидность мыслительной деятельности, следователь выстраивает криминалистические версии; решает тактические задачи, проверяя версии; путем осуществления тактических операций и выполнения следственных (и иных процессуальных) действий собирает совокупность относимых, допустимых и достоверных доказательств. На этом уровне категории непосредственного и опосредованного также вступают в закономерную взаимосвязь.

Например, производя высокотехнологичную тактическую операцию *осмотр места происшествия*, следователь изучает следовую картину и занимается обнаружением, локализацией и фиксированием следов на месте происшествия. В данном случае происходит установление определенных интересующих следствие фактов как путем непосредственного восприятия обстановки, так и путем опосредованного их установления при помощи высокотехнологичных приборов и устройств. При этом в дальнейшем судом в ходе рассмотрения уголовного дела будет изучаться протокол

осмотра места происшествия, просматриваться приложенные к нему видеозаписи следственного действия, т. е. будет происходить опосредованное рассмотрение ранее собранных доказательств. Исключение составляет непосредственный осмотр судом вещественных доказательств, изъятых с места происшествия и истребованных по запросу из камеры хранения для обозрения в судебном заседании.

Так, Богучанским межрайонным следственным отделом Следственного комитета России по Красноярскому краю расследовалось уголовное дело по ч. 3 ст. 247 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в отношении должностного лица, являвшегося руководителем организации, которая выполняла перевозку цистерн с нефтепродуктами по Богучанскому водохранилищу в Кежемском районе Красноярского края. В результате названной транспортировки цистерн произошел разлив нефтепродуктов и загрязнение водного объекта. Следователем Следственного комитета России проводились осмотры места происшествия, в ходе которых исследовались емкости для перевозки горюче-смазочных материалов, а также баржа и причал, таким образом, первичный субъект познания выполнял непосредственное обследование криминалистически значимых объектов, осуществляя фиксацию следов на месте происшествия. В дальнейшем Кежемский районный суд, осуществляя рассмотрение уголовного дела по первой инстанции, опосредованно изучал протоколы осмотра места происшествия в качестве доказательств по делу. Таким образом, суд, не выезжая на место происшествия, производил опосредованное исследование ранее собранных доказательств⁶.

В случае допроса потерпевших и свидетелей следователь и суд как субъекты познания будут непосредственно изучать показания допрашиваемых лиц, однако при необходимости оглашения в порядке ст. 281 УПК РФ показаний, данных в ходе предварительного следствия, суд вынужден опосредованно исследовать показания потерпевших и свидетелей.

При рассмотрении уголовных дел № 1-1/2023 и № 1-7/2023 о незаконной рубке лесных насаждений в крупном размере Кежемский районный суд ввиду имевшихся противоречий в показаниях допрашиваемых судом представителей потерпевших и свидетелей с теми, что были даны в ходе предварительного следствия, удовлетворил ходатайство государственного обвинителя и огласил показания вышеуказанных участников судебного процесса в соответствии со ст. 281 УПК РФ. В этом случае суд перешел от непосредственного познания к опосредованному⁷. Здесь же мы вынуждены заметить, что несколько по-иному обстоит ситуация с допросом в суде

⁶ Архив Кежемского районного суда Красноярского края. Уголовное дело № 1-6/2022.

⁷ Архив Кежемского районного суда Красноярского края. Уголовные дела № 1-1/2023, № 1-7/2023.

потерпевших и свидетелей по видео-конференц-связи, когда судом при непосредственном исследовании показаний допрашиваемых лиц происходит опосредованное восприятие излагаемой ими информации, т. е. выяснение криминалистически значимых обстоятельств происходит через высокотехнологичное оборудование. Это показывает, что на предметно-практическом уровне возможно пересечение, смешивание непосредственного и опосредованного.

В ходе выполнения проверки показаний на месте следователь непосредственно воспринимает показания ранее допрошенного по делу лица, которые проверяются на месте происшествия. В то же время судом на стадии судебного следствия исследуется протокол проверки показаний на месте, воспроизводится видеозапись следственного действия (при ее наличии), таким образом, суд будет изучать доказательство опосредованно.

Удачной практической иллюстрацией этого примера может служить вышеуказанное уголовное дело № 1-7/2023, которое рассматривалось Кежемским районным судом в отношении З. по ч. 3 ст. 260 УК РФ. В ходе судебного следствия после допроса свидетелей судом изучались протоколы проверки показаний лесничего Недокурского участкового лесничества, а также двоих работников З., осуществлявших по указанию последнего рубку лесных насаждений и последующую трелевку вырубленного леса⁸. При рассмотрении уголовного дела № 1-27/2023 Кежемский суд также опосредованно изучал такое доказательство, как протокол проверки показаний, которая на предварительном следствии проводилась с участием обвиняемого Б. в целях конкретизации юридически значимых обстоятельств⁹.

Такое же явление трансформации непосредственного в опосредованное имеет место при предъявлении лица либо предмета для опознания. Изначально следователь предъявляет опознающему участнику уголовного судопроизводства подозреваемого или обвиняемого или какое-либо изъятое доказательство и непосредственно созерцает результаты выполнения им следственного действия на предмет выявления имеющих доказательственное значение фактов. После этого суд в судебном следствии будет опосредованно анализировать протокол предъявления для опознания.

В судебной практике автора статьи имелся случай исследования судом при рассмотрении дела в отношении Ф. по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ протокола предъявления свидетелю для опознания кухонного ножа,

которым Ф. нанесла потерпевшему удар в живот, а также протокол предъявления для опознания обвиняемой этого же ножа, изъятого при осмотре места происшествия. Другим случаем, с которым на практике сталкивался автор, можно назвать предъявление У., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, для опознания одному из свидетелей, являвшемуся администратором сауны, в которой У. организовывал деятельность запрещенной местной религиозной организации¹⁰.

Похожая ситуация складывается в связи с производством выемки, обыска, а также при осуществлении следователем следственного эксперимента с последующим изучением протоколов этих следственных действий в суде. Это подтверждается изученной нами в ходе проведения исследования судебной практикой, а именно: материалами уголовного дела № 1-59/2019, в котором среди других доказательств, подтверждающих вину Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ, судом изучались протокол выемки, протокол следственного эксперимента; а в уголовном деле № 1-43/2023 в отношении Ф. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ среди иных доказательств обнаружены: протокол обыска, который проводился с целью изъятия похищенного имущества, и протокол выемки у потерпевшей документов на украденный телевизор. В рамках рассмотренного под председательством автора статьи уголовного дела № 1-44/2022 в отношении З. по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ суд изучал протоколы обыска, выемки, проверки показаний на месте¹¹.

Подчеркнем, что по всем приведенным нами примерам судебной практики суд апелляционной инстанции согласился с выводами Кежемского районного суда о наличии достаточной совокупности относимых и допустимых доказательств и доказанности вины подсудимых в содеянном. Каких-либо сомнений в законности и объективности выводов суда первой инстанции у вышестоящего суда не возникло. Изученное многообразие следственной и судебной практики способствует верификации гипотезы tandemности категорий непосредственного и опосредованного, что имеет важное методологическое и практическое значение.

Изложенное позволяет утвердиться в убеждении, что на предметно-практическом уровне явственно прослеживается как взаимосвязь парных криминалистических категорий непосредственного и опосредованного, так и трансформация одного в другое при осуществлении субъектами познания деятельности по анализу и оценке собранных доказательств. Раскрыв с необходимой полнотой свойства и признаки взаимосвязанных

⁸ Там же.

⁹ Архив Кежемского районного суда Красноярского края. Уголовное дело № 1-27/2023.

¹⁰ Архив Кежемского районного суда Красноярского края. Уголовные дела № 1-47/2023, № 1-31/2022.

¹¹ Архив Кежемского районного суда Красноярского края. Уголовные дела № 1-59/2019, № 1-44/2022, № 1-43/2023.

криминалистических феноменов непосредственного и опосредованного, получив о них завершённое представление как о парных научных явлениях, поставим себе в перспективе задачу более детально изучить эти уникальные категории, применительно к расследованию преступлений, совершаемых в экологической сфере.

Заключение

Проведённое автором исследование показало, что непосредственное и опосредованное в криминалистике есть воплощение единой системы, а их взаимосвязь следует рассматривать как соотношение частей одного целого, позволяющее охарактеризовать данные категории как парные. Парность непосредственного и опосредованного как криминалистических категорий весьма наглядна и отчетлива. Она имеет как существенное методологическое значение, так и огромный практический потенциал для процесса доказывания. При этом проведённый анализ научных источников сквозь призму эмпирического материала наводит на мысль, что непосредственное и опосредованное могут рассматриваться не просто в качестве правовых категорий,

но и в более узком гносеологическом смысле – как бигеминальные феномены криминалистической науки. Более того, с учетом полученных выводов представляется целесообразным в перспективе дальнейшее исследование свойств и характерных черт непосредственного и опосредованного как парных категорий.

Таким образом, объективно существующее взаимосвязанное единство таких научных феноменов, как непосредственное и опосредованное, безальтернативно предопределяет успешность и результативность процесса криминалистического познания и в обязательном порядке должно учитываться следователем как субъектом правоприменительной деятельности по расследованию преступлений.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Баев О. Я. Избранные работы (2012–2016 гг.). Воронеж: ВГУ, 2016. 564 с. [Baev O. Ya. *Selected works (2012–2016)*. Voronezh: VSU, 2016, 564. (In Russ.)]
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Юрид. лит., 1987. 272 с. [Belkin R. S. *Criminology: Problems, trends, and prospects. General and private theories*. Moscow: Iurid. lit., 1987, 272. (In Russ.)]
3. Криминалистика, ред. Л. В. Бертовский. М.: РГ-Пресс, 2020. 1024 с. [*Criminology*, ed. Bertovsky L. V. Moscow: RG-Press, 2020, 1024. (In Russ.)]
4. Возгрин И. А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 475 с. [Vozgrin I. A. *Introduction to criminalistics. History, fundamental theory, and bibliography*. St. Petersburg: Iurid. tsentr Press, 2003, 475. (In Russ.)]
5. Волинский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления. *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1. С. 175–185. [Volynskiy A. F. Subject of criminalistics and "scientific separatism": Consequences and opportunities of their overcoming. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, (1): 175–185. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yvowzk>
6. Еремченко В. И. К вопросу о предмете криминалистики. *Общество и право*. 2014. № 4. С. 236–238. [Eremchenko V. I. Of the subject of criminalistics. *Obshchestvo i pravo*, 2014, (4): 236–238. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/taiyux>
7. Криминалистика, ред. И. М. Комаров. М.: Юрлитинформ, 2023. 712 с. [*Criminology*, ed. Komarov I. M. Moscow: Iurlitinform, 2023, 712. (In Russ.)]
8. Кустов А. М. Проблемные вопросы предмета и объектов криминалистики (в память профессора Р. С. Белкина). *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 3. С. 14–17. [Kustov A. M. Problems of forensic science: Its subject matter and objects of study (in memory of professor R. S. Belkin). *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, (3): 14–17. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zgzpjt>
9. Бертовский Л. В., Образцов В. А. Понятие, объект и предмет криминалистики. *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 4. С. 228–233. [Bertovsky L. V., Obraztsov V. A. Definition, object and subject-matter of criminalistics. *Gaps in Russian Legislation*, 2016, (4): 228–233. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vzxpqj>
10. Эксархопуло А. А. Учение о предмете криминалистики как теоретическая база для постановки ее актуальных задач. *Библиотека криминалиста*. 2012. № 3. С. 37–46. [Exarkhopulo A. A. The doctrine about the subject

- of criminalistics as theoretical basis for setting its actual tasks. *Criminalists library*, 2012, (3): 37–46. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/papkvx>
11. Яблоков Н. П. Криминалистика. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 239 с. [Yablokov N. P. *Criminology*. 3rd ed. Moscow: Iurait, 2024, 239. (In Russ.)]
  12. Прохоров М. М. Истина и действительность. *Философские исследования*. 2013. № 6. С. 293–387. [Prokhorov M. M. Truth and reality. *Philosophical Investigations*, 2013, (6): 293–387. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rwblcl>
  13. Копцева Н. П. Философия. Истина как цель и смысл: введение в алетологию. Красноярск: СибГТУ, 2003. 192 с. [Koptseva N. P. *Philosophy. Truth as purpose and meaning: An introduction to political science*. Krasnoyarsk: SibSTU, 2003, 192. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwesjz>
  14. Копцева Н. П. Понимание бытия и истины в античной философии. *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 5. С. 1–7. [Koptseva N. P. Philosophical comprehension of being and truth in ancient philosophy. *Modern Problems of Science and Education*, 2012, (5): 1–7. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pkwwhn>
  15. Фролова Н. Ю. Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории. *Право и государство: теория и практика*. 2010. № 1. С. 7–10. [Frolova N. Yu. Legitimate and incorrect behavior as the paired juridical categories. *Law and state: The theory and practice*, 2010, (1): 7–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/midjrf>
  16. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. 250 с. [Malko A. V. *Incentives and restrictions in law*. 2nd ed. Moscow: Iurist, 2003, 250. (In Russ.)]
  17. Нырков В. В. Поощрения и наказания как парные юридические категории. Саратов: СГАП, 2006. 204 с. [Nyrkov V. V. *Rewards and punishments as paired legal categories*. Saratov: SSAL, 2006, 204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxebpf>
  18. Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М.: Проспект, 2016. 232 с. [Rudakov A. A. *Paired law categories: Theory of rights and obligations*. Moscow: Prospect, 2016, 232. (In Russ.)]
  19. Суменков С. Ю. Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2016. № 5. С. 23–28. [Sumenkov S. Yu. Exceptions within law as legal means: Questions of theory and practice. *Saratov state law academy*, 2016, (5): 23–28. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxorjl>
  20. Аверьянова Т. В. Значение работы И. М. Лузгина «Расследование как процесс познания» для теории и практики криминалистики. *Труды Академии управления МВД России*. 2011. № 2. С. 112–114. [Averyanova T. V. The significance of I. Luzgin work "the investigation as a process of learning" for the theory and practice of criminalistics. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2011, (2): 112–114. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nwarxt>
  21. Костюченко О. Г., Бертовский Л. В. К вопросу о криминалистическом понятии места происшествия. *Вестник военного права*. 2023. № 1. С. 42–47. [Kostyuchenko O. G., Bertovsky L. V. To the subject of criminalistic concept of the place of incident. *Vestnik voennogo prava*, 2023, (1): 42–47. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dmlove>
  22. Костюченко О. Г. О высокотехнологической тактической операции «Осмотр места происшествия». *Законодательство*. 2023. № 10. С. 68–75. [Kostyuchenko O. G. On highly technological tactical operation "On-site inspection". *Legislation*, 2023, (10): 68–75. (In Russ.)] https://doi.org/10.58741/16818695_2023_10_68
  23. Суменков С. Ю. Диалектический материализм как метод познания исключений в праве. *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2010. № 6. С. 75–80. [Sumenkov S. Yu. Dialectic materialism as a method of cognition of exclusions in law. *Saratov State Academy of Law Herald*, 2010, (6): 75–80. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ndznyb>
  24. Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности. *Философия права*. 2010. № 6. С. 60–64. [Sumenkov S. Yu. Rules and exceptions: Philosophical and legal grounds for parity. *Filosofia prava*, 2010, (6): 60–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ncmkhx>
  25. Комаров И. М. Метод научного познания и методы практической деятельности по расследованию преступлений (Часть I). *Юрист-Правовед*. 2022. № 2. С. 20–23. [Komarov I. M. The method of scientific knowledge and practical methods of investigation of crimes (Part I). *Jurist-Pravoved*, 2022, (2): 20–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/udyzdo>